

Н. А. Колосов

**Миросозерцание и герои
Максима Горького пред судом
православного читателя**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н11

Н11 **Н. А. Колосов**
Миросозерцание и герои Максима Горького пред судом православного читателя / Н. А. Колосов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 50 с.

ISBN 978-5-458-56347-5

ISBN 978-5-458-56347-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МИРОСОЗЕРЦАНІЕ И ГЕРОИ МАКСИМА ГОРЬКАГО ПРЕДЪ СУДОМЪ ПРАВОСЛАВНАГО ЧИТАТЕЛЯ ¹⁾.

Едва ли не самый популярный писатель въ Россіи и одинъ изъ наиболѣе популярныхъ за границей — въ настоящее время Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, пишущій подъ псевдонимомъ Максима Горькаго. Не только Антонъ Чеховъ, этотъ весьма недавній кумиръ русской читающей публики, но даже Левъ Толстой — въ послѣднее время остаются какъ то въ тѣни за заслонившимъ собою почти весь читательскій горизонтъ Максимомъ Горькимъ. У насъ въ Россіи въ настоящее время произведенія Горькаго и его личность служатъ—и не только въ интеллигентныхъ слояхъ общества — предметомъ напряженнаго интереса, восторженныхъ похвалъ, толковъ, изученія, комментирования; каждое новое его произведевіе встрѣчается какъ литературное событіе; успѣха, какой выпалъ ва долю его послѣдняго произведенія—«На днѣ», удостоивались лишь весьма немногія русскія драматическія произведенія. За границей же (Горькій переводится почти на всѣ европейскіе языки, — иногда даже сразу въ нѣсколькихъ переводахъ, — равно весьма извѣстенъ и въ Америкѣ и Японіи) его уже провозгласили гениемъ, властителемъ душъ, социальнымъ пророкомъ и т. п. и всю русскую литературу

¹⁾ Публичное богословское чтеніе, произнесенное въ залѣ Епархіальнаго дома въ Москвѣ 17 марта 1903 года.

сводять почти къ нему одному; его именемъ названо образовавшееся недавно въ Германіи общество для изученія русской литературы; а пишется о немъ тамъ едва ли даже не больше, чѣмъ въ Россіи.

Всякое не совсѣмъ обыкновенное явленіе вызываетъ естественный вопросъ о причинахъ его. И въ данномъ случаѣ такой вопросъ напрашивается самъ собою. Но такъ какъ изслѣдованіе причинъ необычайной и такъ внезапно возникшей популярности Горькаго не входитъ въ нашу задачу, то мы скажемъ лишь вообще, что причинъ этихъ много и что къ нимъ нужно отнести, помимо несомнѣнной талантливости Горькаго, всеобщую, у насъ начавшуюся въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, демократизацію литературы, а въ послѣднее время, подъ вліяніемъ отчасти марксистскихъ идей, и усиленный интересъ къ тому классу общества, который почти исключительно воспѣваетъ Горькій; значительную, хотя далеко не совершенную, новизну предмета; широту фантазіи, смѣлость замысла, парадоксальность взглядовъ, оригинальность приемовъ и остроу поставленныхъ вопросовъ, въ связи съ необычностью и исключительностью жизненной судьбы самого автора. Съ поразительною смѣлостью развернулъ Горькій предъ удивленнымъ обществомъ картину жизни и понятій класса, живущаго на днѣ социальнаго зданія и въ большей своей части считающагося подонками общества, и бросилъ прямо въ лицо этому обществу упрекъ въ лживости основъ, которыми оно живетъ и которыя способствовали созданію этого класса.

Необычайная популярность Горькаго, парадоксальность его взглядовъ и сужденій и то широкое сочувствіе, какое встрѣчаетъ проповѣдуемая имъ теорія переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, — встрѣчаетъ всюду и не только въ интеллигентныхъ кружкахъ, — невольно и неизбѣжно ставятъ предъ мыслящимъ и не чуждающимся литературы православнымъ христіаниномъ вопросъ: какъ онъ долженъ относиться къ

сочиненіямъ Горькаго, насколько вѣрно изображаетъ этотъ послѣдній народную душу, въ какомъ отношеніи къ исконнымъ завѣтамъ православнаго русскаго народа стоятъ и міросозерцаніе Горькаго и идеалы его героевъ, и какъ разобратся въ той путаницѣ взглядовъ и понятій, какая вносится ими въ жизнь? Наше чтеніе есть посильная попытка отвѣтить на эти вопросы.

Какъ извѣстно и какъ нами выше замѣчено, Горькій въ своихъ произведеніяхъ изображаетъ по преимуществу среду подонковъ общества, такъ называемыхъ босяковъ или, какъ онъ самъ ихъ называетъ, «бывшихъ людей», т.-е. безсемейный, почти бездомовный и преимущественно неинтеллигентный городской пролетаріатъ и различнаго рода бродягъ. Всѣхъ же классовъ общества, не исключая и крестьянъ, стоящихъ хоть сколько-нибудь выше босяковъ, онъ касается по большей части лишь мимоходомъ и вообще не любитъ о нихъ говорить, только купечество и мѣщанство изображаетъ нѣсколько подробнѣе. Какую же картину нравственнаго состоянія русскаго общества и народа даютъ намъ сочиненія Горькаго?

Картина русскаго общества и народа, рисуемая Горькимъ, — не только печальна, но даже прямо безотраднa. «Читая Горькаго, — говоритъ Вогюэ, — подумаешь, что Россія представляетъ собою только громадный кабакъ, въ мрачномъ подвалѣ, воняющемъ потомъ, саломъ, керосиномъ, гдѣ бродяги въ лохмотьяхъ появляются, вздыхаютъ, ругаются, бросаютъ другъ другу въ лицо свои истины и тонуть въ океанъ воды»¹⁾). Необходимо, впрочемъ, сдѣлать слѣдующую оговорку. Самъ Горькій совершенно иначе относится къ разнымъ типамъ своихъ героевъ; иначе къ босякамъ и иначе ко всѣмъ тѣмъ, кто стоитъ сколько бы то ни было выше ихъ. Что касается первыхъ, то хотя онъ и не скрываетъ ихъ порочности, — онъ относится и

¹⁾ Вогюэ. Максимъ Горькій какъ писатель и человекъ. Издан. 2-е Ефимова. М., 1902. Стр. 45.

къ ней и къ нимъ самимъ всёмъ вообще какъ-то особенно, очень мягко и снисходительно, и каждою строкою своихъ писаній старается показать, что если есть среди нихъ и дурные люди, то въ этомъ виноваты во всякомъ случаѣ не они, а люди стоящіе выше ихъ;—старается показать, какъ выразился недавно одинъ изъ біографовъ Горькаго.— «какъ прекрасенъ человѣкъ даже на днѣ своего паденія»¹⁾. «Дно и подонки жизни позналъ онъ,—говорить о Горькомъ тотъ же его біографъ, — не заглянулъ туда, а проникъ въ самую глубину, пережилъ всё ея тревоженія и тамъ, въ этой ямѣ, среди грязи, нашелъ своихъ «героевъ»,—пустъ оборванныхъ, пустъ выброшенныхъ изъ общества, но все же людей, съ богатыми и разнообразными мыслями, съ богатыми и разнообразными настроеніями». Онъ тщательно отмѣчаетъ всякій хорошій поступокъ босяка и вообще, по его изображенію, босяки тѣ же люди, не только не хуже и не глупѣе, но даже зачастую во многомъ лучше и умнѣе «господъ жизни», какъ выражается Аристидъ Кувалда, т.-е. людей общества. Даже (любопытная подробность) босяки Горькаго очень нравятся женщинамъ,—не уличнымъ женщинамъ, а женщинамъ изъ общества, и одерживаютъ надъ ними немалочисленные побѣды, хотя самъ Горькій скептически относится къ такимъ рассказамъ босяковъ.

Совсѣмъ и даже безусловно иначе относится Горькій ко всёмъ тѣмъ, кто стоитъ сколько бы то ни было выше босяка,—«жрецамъ жизни», — какъ онъ выражается—не только къ мѣщанству и купечеству, которыхъ онъ особенно не любитъ, и не только къ интеллигенціи, но даже къ крестьянамъ. Во всёхъ, сравнительно немногочисленныхъ своихъ рассказахъ, гдѣ онъ выводитъ, да и то преимущественно мимоходомъ, интеллигентовъ, онъ изображаетъ крайнюю пошлость, лицемѣріе и безсиліе интеллигенціи и ея представителей, напр., доцента Полбанова въ

¹⁾ Журналъ для всѣхъ, 1902 г. февраль, стр. 132.

рассказъ «Варенька Олесова», члена суда Громова и его гостей въ повѣсти «Трое», героевъ очерка «Мужикъ» и др. «Нѣтъ еще такой болячки, которую нельзя было бы найти въ сложномъ и спутанномъ психическомъ организмѣ, именуемомъ «интеллигентъ»,—говоритъ Горькій въ рассказѣ «Коноваловъ». И притомъ «культурный человекъ города несравненно хуже культурнаго человека деревни». Даже между бродягами интеллигентные люди, по взгляду нашего автора, худшіе люди. «Ихъ много среди бродягъ, — говоритъ онъ въ рассказѣ «Проходимецъ»,—но всѣ они мертвые люди, потерявшіе всякое уваженіе къ себѣ, лишены способности къ самоощущенію, и всѣ они живутъ лишь тѣмъ, что съ каждымъ днемъ своей жизни падаютъ все ниже въ грязь и гадость (подтверженіемъ всѣхъ этихъ сужденій и служитъ рассказъ); потомъ они растворяются въ ней и исчезаютъ изъ нея». Изъ трехъ бродягъ, выведенныхъ въ рассказѣ «Въ степи», худшимъ и вполне разбойникомъ оказывается называвшій себя студентомъ университета. Но настоящій приговоръ интеллигенціи произноситъ въ «Өмѣ Гордѣевѣ» журналистъ Ежовъ. «Я бы собралъ,—кричитъ онъ,—остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожи нашей интеллигенціи!.. Я бы имъ сказалъ: букашки! вы, лучший сокъ моей страны! Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей, о, гнды! Какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что вы дѣлаете для нея! Превратили ли вы слезы прошлаго въ перлы? Что дали вы жизни? Чтò дѣлаете? Позволили издѣваться надъ собой... Я сказалъ бы имъ: вы! Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы малоумны и совершенно безсильны и—трусы всѣ вы! Ваше сердце набито моралью и добрыми намѣреніями, но оно мягко и тепло, какъ перина, и оно не бьется у васъ, а медленно покачивается, какъ люлька. Окунувъ перстъ въ кровь сердца моего, я бы намазалъ на ихъ лбахъ клейма моихъ упрековъ, и они, нищіе духомъ, несчастные въ своемъ самодозвольствѣ, страдали бы...

о, ужъ тогда они страдали бы!.. Я скажу имъ, этимъ несчастнымъ бездѣльникамъ: смотрите! Жизнь идетъ и оставляетъ васъ сзади себя!.. Жизнь сурово взыщетъ съ васъ, поверьте: разразится буря, и она смететъ и смететъ васъ съ земли, какъ дождь и вѣтеръ пыль съ дерева!..»

Таково же отношеніе къ суду и даже къ суду присяжныхъ, ярко выставленное въ сценѣ суда надъ Вѣрой въ повѣсти «Трое». «Вообще такъ называемое правосудіе,—разсуждаетъ тамъ нѣкій «человѣчекъ»,—есть въ большинствѣ случаевъ легонькая комедія. Сытые люди упражняются въ исправленіи порочныхъ наклонностей въ голодныхъ людяхъ. Въ судѣ бываю часто, но не видалъ, чтобы голодные сытаго судили... если же сытые сытаго и судятъ,—это они его за жадность. Дескать — не все сразу хватай, намъ оставляй... Подлецы—самыя строгіе судьи»... Къ книгѣ и печатному слову отношеніе какое-го двусмысленное. Крайняя пошлость мелкаго чиновничества изображена въ рассказѣ «Скуки ради» и въ лицѣ супруговъ Автономовыхъ («Трое»). Вообще изъ интеллигентныхъ типовъ у Горькаго положительныхъ весьма немного. — Въ крестьянахъ онъ выставляетъ на видъ дикое невѣжество и лютое зѣрство (въ рассказѣ «Выводъ»), грубое насилие («На плоткахъ»), жадность, эгоизмъ, хитрость, лѣность и глупость (парень Гаврилка въ рассказѣ «Челкашъ», «Кирилка», «Мальва», «Ярмарка въ Голтвѣ» и «Дядь Архипъ и Ленка»). — Съ крайнимъ нерасположеніемъ относятся Горькій къ любимцамъ православнаго народа — странникамъ по святымъ мѣстамъ, «этой худшей, по его словамъ («Проходимецъ»), разновидности «бродячей Руси»,—худшей по своимъ моральнымъ качествамъ и вслѣдствіе лжи и суевѣрій, которыми люди этого типа заражаютъ духовно-голодную, всегда алчущую деревню». «Это не люди, а такъ скорлупа одна,—съ обычнымъ своимъ цинизмомъ говорить о нихъ и Яковъ Маякинъ, — и ни на что они не годны... Это въ родѣ какъ клопы, блохи и другая нечисть»...

Но въ особенно непривлекательномъ видѣ изображаетъ Горькій купечество и мѣщанство: для нихъ не падить и буквально не находить достаточно темныхъ красокъ. Для нихъ у него уже нѣтъ исключеній (развѣ только, да и то лишь отчасти, купецъ Маркъ Чемерицынъ въ очеркахъ «Мужикъ»): всѣ безусловно представители этихъ сословій у него негодяи, для характеристики которыхъ недостаточно ни тѣхъ укорительныхъ словъ, съ которыми въ «Ревизорѣ» обращается городничій къ купцамъ, ни той характеристики, какую дѣлаетъ губернскимъ чиновникамъ Собакевичъ. Даже на судѣ присяжные-купцы, люди уже пожилые, не могутъ смотрѣть на судимую проститутку иначе, какъ жаднымъ циничнымъ и грязнымъ взглядомъ. Яковъ Маякинъ, Игнатъ Гордѣевъ, Ананій Щуровъ и та компанія первостепенныхъ купцовъ, которую обличаетъ на пароходѣ Ома Гордѣевъ, Петруха Филимоновъ, Подуежковъ и мучитель Хрѣновъ, Пчелинъ и Сабанѣевъ, Петунниковъ, мельникъ Тихонъ Павловичъ, мѣщанинъ Безсѣменовъ и всѣ остальные, выводимые у Горькаго, представители этихъ сословій—негодяи, воры, грабители, лице-мѣры, истязатели, убійцы, разбойники и т. п. При этомъ бѣлая часть изъ нихъ наружно благочестивы и набожны и всѣ имѣютъ видъ вполне почтенныхъ людей и пользуются уваженіемъ и почетомъ. «Преподобная лиса,—говоритъ о грабителяхъ и злодѣяхъ Щуровъ Маякинъ,—возведетъ очи въ небеса, а лапу тебѣ за пазуху запустить да кошель-то и вытащить». Нѣкоторые же изъ нихъ доходятъ до такого цинизма, что и грѣшниками себя не считаютъ и каются, хотя бы и наружно, не считаютъ нужнымъ. «Судъ прежнимъ людямъ,—разсуждаетъ Щуровъ, причисляя, конечно и себя къ этимъ людямъ,—отъ Господа будетъ по силамъ ихъ... Тѣла ихъ будутъ взвѣшены, и измѣрятъ ангелы кровь ихъ, и увидятъ ангелы Божіи, что не превыситъ грѣхъ тяжестью своею вѣса крови и тѣла... понимаешь?.. Волка не осудитъ Господь, если волкъ овцу пожретъ... но если крыса мерзкая повинна въ овцѣ—

крысу осудить Онь». А затѣмъ, предложивъ Оумѣ совершенно разбойническія, ростовщическія условія займа, Щуровъ сейчасъ же, проводивъ Оуму, запѣваетъ: «Милосердія двери»... А «окаянный фармазонъ» и самый лютый грѣшникъ на землѣ, по выраженію Щурова,—первоклассный виртуозъ по части всяческихъ мошенничествъ Яковъ Маягинъ, окончивая свою долгую архимошенническую жизнь, за нѣсколько часовъ до смерти говоритъ дочери и зятю:

«— Ну, ребята,—живите богато! Повѣзь Яковъ всякихъ злаковъ, значить, Якову пора долой со двора... Видите— умираю, а не унываю... И это мнѣ Господь зачтетъ... Я Его, Всеблагото, только шутками беспокоилъ, а стонами и жалобами никогда. Охъ!.. Господи! Радъ я, что умѣюче пожилъ... по милости Твоей! Прощайте, дѣтушки!.. Живите дружно... и не мудрствуйте очень-то. Знайте — не тотъ святъ, кто отъ грѣха прячется да спокойненько лежитъ... Трусостью отъ грѣха не оборонишься... про это и говоритъ притча о талантахъ... А кто хочетъ отъ жизни толку добиться—тотъ грѣха не боится... Ошибку Господа ему простить... Господь назначилъ человекѣ на устроеніе жизни, а ума ему не такъ ужъ много далъ... значить, строго искать недоимокъ не станетъ... Ибо святъ Онь и многомилостивъ»...

Если же у купцовъ есть ученныя дѣти, то они выходятъ еще хуже отцовъ, такъ какъ свое образованіе употребляютъ исключительно на мошенничество же, и вдобавокъ свободны и отъ тѣхъ остатковъ стыда предъ Богомъ и людьми, которые еще проявляются иногда у ихъ отцовъ. Таковы, напр.: сынъ купца Петунникова («Бывшие люди»). Тарасъ Маягинъ и Африканъ Смолинъ. — Отзывъ же о либеральныхъ купцахъ рѣзокъ почти до неприличія. *

Духовенство представлено у Горькаго лишь мимоходомъ, — въ лицѣ немногихъ завѣдомо недостойныхъ его представителей.

Напротивъ, среди босяковъ Горькій находитъ мало от-

рищательныхъ типовъ, да и изъ нихъ пѣкоторые и притомъ наиболѣе полно пзображенны, напр., бродяга Промтовъ («Проходимецъ»), грузинскій князь Шахро Птадзе («Мой спутникъ»), а также «студентъ» («Въ степи») — люди, если не по образованію, то, по крайней мѣрѣ, по происхожденію, полукультурные. Изъ совершенно же неинтеллигентныхъ изъ такихъ типовъ можно указать на солдата (въ рассказѣ «Двадцать шесть и одна»), арестанта Зазубрину (въ рассказѣ того же названія) и немногихъ другихъ.

Итакъ, положительные типы, «человѣка» Горькій находитъ лишь среди неинтеллигентныхъ босняковъ, бродягъ и падшихъ женщинъ. «Давно пора, — говоритъ онъ, — считать этихъ людей за классъ. — они вполне достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые». Онъ называетъ босняковъ «почтеннымъ, но не чтимымъ сословіемъ»: доказываетъ Коновалову, что они — «жертвы жизни, среды и условий». То же на разные голоса проповѣдуютъ и герои Горькаго: «А чтѣ такое падшіе люди? Прежде всего — люди, та же самая кость, кровь, то же мясо и тѣ же нервы, какъ и у насъ»... («Болель»). «Мнѣ все равно! Я и жуликовъ уважаю, — говоритъ Лука, — по моему, ни одна блоха не плоха: всѣ черненькія, всѣ прыгаютъ... такъ-то... Всякаго человѣка уважать надо... — Вѣдь это съ первоначалу только важется, что люди разные; а посмотришь — всѣ люди какъ люди»... Что же это за люди?

Общія черты, свойственныя, по Горькому, всѣмъ этимъ людямъ — это прежде всего и главнымъ образомъ — нежеланіе подчиняться установившимся порядкамъ и рамкамъ жизни, презрѣніе ко всякому порядку и протестъ, хотя, конечно, преимущественно лишь пассивный, противъ всякихъ установившихся, всѣми принятыхъ понятій, — нерѣдко декорирующей протестомъ противъ людской неправды. Всѣ эти люди родились, по выраженію хохла въ рассказѣ «Коноваловъ», «съ такою шеей, на которую ни одинъ

хому не подходит». Не желая признавать сложившихся формъ жизни, люди эти не желаютъ нести и какихъ бы то ни было обязанностей по отношенію къ обществу и за работу берутся лишь только для того, чтобы не умереть съ голоду. Многие изъ нихъ добываютъ себѣ хлѣбъ прямо воровствомъ и другими нелегальными занятіями. И такъ какъ съ такими понятіями и такимъ нерѣдко отношеніемъ къ чужой собственности и даже личности среди общества, какое бы оно ни было, жить неудобно да, зачастую, для босняка и тошно, то босяки нерѣдко предпочитаютъ бродяжить. Бродяжничество—въ разныхъ видахъ и по разнымъ причинамъ — вещь въ Россіи исторически сложившаяся и давно извѣстная и даже неоднократно изображавшаяся въ литературѣ,—но никто еще до Горькаго такъ подробно не изображалъ и не поэтизировалъ его. Бродяги, какъ и всѣ герои Горькаго, чрезвычайно любящие философствовать и рассуждать, очень подробно и различнымъ образомъ какъ объясняютъ причины своего бродяжничества и восхваляютъ прелести бродяжнической жизни, такъ и вообще раскрываютъ мирозерцаніе босячества. Но прежде всего разъясняетъ причины бродяжничества самъ авторъ.

«Нужно,—рассуждаетъ онъ въ рассказѣ «Коноваловъ»,—родиться въ культурномъ обществѣ, для того чтобы найти въ себѣ терпѣніе всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленькихъ ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненного самолюбія, идейнаго сектантства, всяческой неискренности,—однимъ словомъ изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты суетъ. Я родился и воспитывался внѣ этого общества и по сей пріятной для меня причинѣ не могу принимать его культуру большими дозами безъ того, чтобы спустя нѣкоторое время у меня не явилась настоящая необходимость выйти изъ ея рамокъ и освѣжиться нѣсколько отъ чрезмѣрной сложности и болѣзненной утон-